

Сельские советы в контексте раннесоветского проектирования²

В статье на основе проектного подхода рассматривается эволюция роли и значимости сельских советов в 1920–1930-е гг. Показано, как происходило сужение сферы компетенции органов местной власти, в результате чего им пришлось ограничиться сферой текущего хозяйственного и культурного развития под жестким контролем правящей партии.

Ключевые слова: проектный подход, сельские Советы, административно-территориальное устройство, община, Советская Россия – СССР в 1920–1930-е годы.

Теоретическая база

Понимание роли сельсоветов как органов местного управления и закономерностей их эволюции в раннесоветский период может быть расширено с учетом проектного подхода к изучению советской истории. Важно увидеть, как изначальные цели большевиков трансформировались под влиянием среды и логики изменений в системе советской власти.

На существующие интерпретации роли сельских Советов до сих пор большое влияние оказывают тоталитарный (либеральный) и ревизионистский подходы в историографии. Первый из них подчеркнуто антибольшевистский (Р. Пайпс, З. Бжезинский и др.) [14; 23] и предлагает видеть в Советах исключительно инструмент для манипулирования массами. На позиции либеральной школы легко встали советские историки-диссиденты, поскольку именно советский режим был главным объектом их критики [3], а также многие историки 90-х годов.

В рамках ревизионистского подхода предметом интереса авторов было, в первую очередь, само крестьянство, а также традиционные институты общинной демократии. Это направление, в частности, способствовало формированию крестьяноведческого мифа 90-х гг. о «хорошем» крестьянстве и

¹ Горбачев Олег Витальевич, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия), доктор исторических наук; e-mail: og_06@mail.ru. Почтовый адрес: 620089, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, Исторический факультет. Тел. +7(343)389-94-24. Соловьева Татьяна Владимировна. E-mail: solovyeva-tv@el.ru

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

«плохой» власти. В конечном счете, обе исследовательские парадигмы сделали способствовали схематизации восприятия отношений между властью и народом.

В рамках популярной ныне «новой культурной истории» тема места институтов власти в советском обществе считается перспективной [26, р. 273-274], но до сих пор она не получила достойного освещения.

Проектный подход, в основе которого лежат идеи конструирования социальной реальности К. Поппера, П. Бергера, Т. Лукмана и др. [см.: 4], позволяет понять, как изначальные цели большевиков трансформировались под влиянием среды и логики изменений в системе советской власти.

Облик местной власти в представлениях большевиков

По нашему мнению, на облик местной власти после Октября 1917 г. оказали влияние многие факторы, среди которых были представления Ленина и его соратников о месте и роли государства в социалистическом обществе, наиболее определенно заявленные в работе «Государство и революция» (1917) [10] и выраженные в идеологемах «диктатура пролетариата», «самоопределение наций» и др.; текущие практические задачи большевиков, а также величина и разнообразие территории бывшей Российской империи.

Форма организации сельских советов в советской системе определялась политическим, экономическим и территориальным контекстами.

Политические соображения базировались на идее народного самоуправления как ориентире для большевистской революции. При этом идеологически сельские (крестьянские) советы воспринимались как подчиненные (вторичные) по отношению к пролетарским.

На *экономическом* уровне признавалась польза Советов как формы самоуправления для решения местных хозяйственных вопросов. В этом смысле местные советы как вариант правительственного организационного реформирования были отчасти преемственны земствам.

В *территориальном* смысле Советы были формой организации советского пространства, противостоящей прежнему административно-территориальному делению.

Местное самоуправление в условиях диктатуры пролетариата воспринималось Лениным в контексте «демократического централизма». Будущее государство должно было опираться не столько на административное управление, утрачивающее политический характер, сколько на инициативу победивших угнетенных классов [10, с. 40]. Ключевая роль в реализации этой инициативы отводилась советам всех уровней.

Если в первые послеоктябрьские дни создаваемые большевиками структуры еще выступали придатками существующих в деревне органов управления (земельные комитеты должны были действовать параллельно с волостными земствами) [16], то после ликвидации волостных земств в конце 1917 – начале 1918 г. [20, с. 40–41] инициатива должна была перейти к Советам.

Формирование управленческой вертикали

В реальности ситуация оказалась более сложной, и множественность идеологических и практических целей большевиков порождала многообразие форм организации власти на местах. Приоритетными структурами в этом списке были Советы и учрежденные в декабре 1917 г. совнархозы, дополнительными – разнообразные ревкомы, комбеды и т.п. Следуя принципу «демократического централизма», реализовывалась двойная подчиненность вновь создаваемых местных органов власти: местному Совету и соответствующему центральному органу.

Примерно до середины 1920-х гг. имела место конкуренция между экономическим и административным принципами организации территории. Она вытекала не только из целей большевистского реформирования, но и была выражением подходов к районированию, сложившихся еще в досоветский период [27].

Для большевиков было принципиально уйти от прежнего губернского-уездного принципа организации территории. Новая терминология

(«административно-хозяйственное районирование») отразила неприятие прежнего принципа. Как в 1925 г. отмечал К. Д. Егоров, «термин “административное деление” дышит архаизмом, он устарел и может быть применяем лишь к положению в дореволюционное время, когда государство разделялось на административные единицы для удобства управления территорией в фискальных и полицейских целях» [7, с. 10]. Отныне управление в основе своей должно было стать экономическим, поскольку «нет административных вопросов, которые не имели бы глубокой экономической основы» [Там же]. В этой оценке теоретические марксистские представления соединялись с приоритетами специалистов Госплана.

Доминирование экономического принципа при недооценке административного привело к тому, что к 1919 г. территория страны была хаотически поделена между совнархозами. Выступая на VIII Всероссийском съезде Советов, один из будущих лидеров «левой оппозиции» Тимофей Сапронов констатировал: «...например, если у крестьянина украли корову, он идет в один город, а если у него запахали полосу, то он принужден идти в другой город. И крестьянину не распутаться в этом анархическом способе деления» [18, с. 203]. Усиление администрирования в этой ситуации диктовалось и принципами «военного коммунизма», и стремлением к формированию понятной управленческой вертикали. После создания в феврале 1920 г. Административной комиссии ВЦИК стало ясно, что инициатива переходит от хозяйственных органов управления (совнархозов) к административным (Советам), которые теперь наделялись экономическими функциями.

Такого рода централизаторские устремления далеко не везде имели одинаковый эффект. В национальных районах переключивание хозяйственных функций на плечи местных советов вело скорее к децентрализации. Экономическое районирование в условиях национального разграничения было крайне затруднительным. Поэтому вскоре было признано, что «республики единого Союза не могут основывать свои решения исключительно на национальном принципе» [25, р. 211]. Противоречия между экономическими и национальными интересами привели к дискуссии между Наркоматом по делам

национальностей и Госпланом (1921), особенно активной на этапе создания СССР [24, р. 146]. В конечном счете верх взяли «экономисты». С июня 1923 г. прекратилось публичное обсуждение национального вопроса. В резолюциях XII съезда ВКП (б) отмечалось, что Советское государство будет максимально поддерживать лишь те формы национального устройства, которые не противоречат его целям [5, с. 695–696]. В дальнейшем «национальный вопрос» использовался в качестве рычага административного регулирования.

Таким образом, к середине 1920-х гг. становилось все более очевидно, что Советы предназначены быть не столько органами народного волеизъявления, сколько частью управленческой вертикали. Еще в 1920 г. Ленин выступил за ограничение коллегиальности, что выглядело безусловным отступлением от первоначальной интерпретации советов как коллективной формы власти. Тенденции прямого администрирования не могли миновать и органы власти на местах.

С точки зрения территориальной организации, система местных Советов была предназначена заменить собой прежнее административное деление, которое, как считалось, применялось «в полицейских и фискальных целях» [7, с. 10]. В четырехзвенной структуре *губерния – уезд – волость – сельское общество* первоначально планировали заменить последний элемент *сельсоветами*, а затем в Госплане родилась трехзвенная схема «*область – округ (район) – волость (сельсовет)*» в том числе для того, чтобы в результате сокращения количества уровней управления с четырех до трех «приблизить власть к народу» и уменьшить издержки на содержание управленческого аппарата.

Наибольшая неопределенность существовала как раз по поводу низового уровня. Разработчики реформы в Уральской области³ писали:

«Подготовка районирования, в сущности, свелась к двум стадиям работ: организации областной территории и организации более мелких хозяйственно-административных единиц. Несмотря на всю сложность работы по определению границ областного хозяйства, эта работа оказалась более доступной и легкой, чем организация полутора десятков округов с двумя сотнями районов. Чем ниже опускалось районирование,

³ Существовала с 1923 до 1934 г.

тем труднее было выдержать единую методологическую линию и тем рельефнее выпирали организационно-административные моменты. А, между тем, главная тяжесть работы лежала именно в правильном построении сетки округов и районов»⁴.

Сразу после начала административно-территориальной реформы в 1923 г. появились предложения об укрупнении районов и уменьшении сельсоветов. Подвижность административно-территориального деления на низовом уровне скорее всего можно объяснить тем, что функции низовых единиц были не до конца осмыслены. Изначально предполагалось, что именно на уровне сельсоветов и районов должно было начинаться функционирование системы «самоуправления». Но именно этот уровень был теоретически слабо проработан. Вероятно, предложения об уменьшении сельсоветов базировались в том числе на идеологических основаниях – в небольших по размеру органах легче реализовать низовую демократию.

Территория Уральской области не укладывалась в трехзвенную схему: либо волость слишком отдалялась от населения, и требовалось создание еще одного уровня управления (сельсовета), либо следовало отказаться от создания области и сохранить губернии⁵. Важно отметить, что в ранний период своего существования сельские советы не воспринимались большевиками как безальтернативная форма власти. В одной из дискуссий предлагалась обтекаемая идея некоей коммуны для руководства коммунальным хозяйством⁶.

Поскольку прямых указаний центра на этот счет не было, местное руководство на Урале предложило и реализовало деление на область – округ – район – сельсовет. Важно отметить, что на этом этапе административно-территориальной реформы функция низовой единицы меняется с самоуправленческой и самоорганизационной на хозяйственную, а точнее, сельскохозяйственную. Это проявилось в процессе взаимовлияния административно-территориального реформирования на низовом уровне и процесса землеустройства.

⁴ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 241р. Оп.2. Д. 2320. Л. 103–106.

⁵ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2320. Л. 113–115.

⁶ Там же.

Для понимания тогдашней ситуации на местах нельзя не принять во внимание еще одно обстоятельство – устойчивость традиционной сельской общины.

Сельские советы и община

Как неоднократно отмечалось, фактически до начала коллективизации сельские Советы были вынуждены опираться на действующие общинные институты [см. напр.: 2; 8]. Примечательно, что этот союз довольно долгое время не носил характер вынужденного. С точки зрения крестьянства взаимодействию способствовало то, что сельсоветы были единственной структурой, где существовала прямая выборность [17, с. 13]. Со стороны власти признавалось, что община – удобная форма для реализации первичных форм кооперации [19, с. 441]. Объективно подобные представления также способствовали установлению взаимодействия с существующими сельскими структурами.

На Урале, как и в других регионах, авторитет сельских советов во многом определялся их участием в процессе землеустройства. Это вытекало из их функции организации и рационализации сельского хозяйства в границах сельсовета. На первом этапе (с 1920 г.) реализовывалось межселенное землеустройство, главной задачей которого было уменьшение чересполосицы и дальнеземелья. На втором этапе (с 1925 г.) началось внутриселенное землеустройство, целью которого был переход на улучшенные способы сельского хозяйствования с последующим объединением в сельхозколлективы⁷.

Отсутствие идеологического запроса на освобождение сельсоветов от общинного влияния проявилось в том, что вновь издаваемые декреты в сфере советского строительства в первой половине 1920-х гг. в наибольшей степени затрагивали губернско-уездно-волостной уровни, редко опускаясь до сельсоветов.

Между тем, в течение 1920-х гг. действовало немало факторов, ставивших под сомнение прочность союза сельсоветов и крестьянской общины.

⁷ ГАСО. Ф. 158р. Оп. 1. Д. 103. Л. 205–207.

Одним из них был вопрос взаимоотношений сельских советов с земельными обществами и сельскими сходами. Дело в том, что на уровне сельсовета фактически существовало три формы демократического участия. *Первая* – это собрание правоспособных избирателей, выбиравших членов сельсовета и заслушивавших его отчеты. *Вторая* – земельное общество, т.е. собрание всех домохозяйств, являющихся членами одного земельного общества, которых в сельсовете могло быть несколько. *Третья* – сельский сход, т.е. собрание всех, в том числе и неспособных граждан данной деревни или села⁸. Противоречия между ними были заложены в законодательстве. К примеру, Земельный кодекс определял, что исполнительным органом земельных обществ, территориально совпадающих с сельсоветом, является сельсовет [21, с. 8]. В условиях множественности форм крестьянского волеизъявления была неизбежна деградация форм общинной демократии.

Другой фактор, способствовавший упадку общины – постепенное занятие общинных должностей советскими работниками, выходцами не из крестьянской среды [2; 22, с. 88–89]. Справедливо отмечается, что это происходило из-за нежелания крестьян участвовать в советских органах власти. Начавшаяся в 1923 г. административно-территориальная реформа в числе прочего имела следствием укрупнение сельсоветов, что для крестьян – членов сельсовета оборачивалось необходимостью отрыва от повседневной хозяйственной деятельности [2].

Еще одна причина невысокой крестьянской активности по отношению к местным советам видится в их невысоком авторитете. Уже в начале 1920-х гг. управление в Советах перешло к президиумам исполкомов, а сами президиумы попали в полное подчинение к партийным комитетам [13, с. 54; 6, с. 411]. Логика подобных действий была сформулирована Лениным в марте 1921 г. на X съезде РКП (б): «...Как правящая партия мы не могли не сливать с “верхами” партийными “верхи” советские – они у нас слиты и будут таковыми» [10, с. 15]. Приняв однажды решение о необходимости партийного контроля, в

⁸ См.: ГАСО. Ф. 158р. Оп. 1. Д. 103. Л. 210.

дальнейшем Ленин четко выдерживал этот курс. Естественным результатом такой политики стало дальнейшее падение авторитета Советов, чему способствовал и рост их бюрократизации.

В апреле 1921 г. «с целью установления связи советских учреждений с широкими массами трудящихся, оживления советского аппарата и постепенного освобождения его от бюрократических элементов» был принят декрет Совнаркома «О привлечении работниц и крестьянок к работе в советских учреждениях»⁹.

О провале кампании «оживления Советов» красноречиво свидетельствует тот факт, что на выборах сельских и волостных Советов в 1922 г. в голосовании приняло участие лишь 20,4 % избирателей [6, с. 412]. Попытки реанимировать Советы предпринимались и позже. Следующее «оживление» было объявлено в октябре 1924 г. Результаты предполагали добиться с помощью вполне дежурных мероприятий – через активизацию беспартийных, улучшение материального положения низовых советских работников, усиление контроля за соблюдением выполнения норм законности на выборах и в деятельности Советов, в том числе со стороны парторганизаций [15]. Существенных улучшений кампания не принесла.

Помимо того, что местные советы постепенно теряли привлекательность в глазах крестьян, кампании «оживления» Советов объективно способствовали углублению разрыва между сельсоветами и крестьянскими обществами: привлечение молодежи и женщин к хозяйственному управлению разрушало авторитет домохозяев [17, с. 15]. Курс на «профессионализацию» Советов (1925), начатый по причине недостаточной эффективности кампании «оживления» имел следствием дальнейшее игнорирование низовой демократии. Одновременно устанавливалось правило согласования кандидатуры председателя сельсовета с райисполкомом и райкомом [1, с. 582]. В течение всего десятилетия 1920-х гг. в деятельности сельсоветов последовательно реализовывалась политика административного оттеснения «классово чуждых

⁹ СУ РСФСР. 1921. № 35. Ст. 186.

элементов» от принятия решений на общинных сходах. Кроме того, в условиях свертывания нэпа оказалось возможным волевыми решениями формировать бюджеты сельсоветов за счет бюджетов общины [19, с. 436–439].

Ограничение компетенции сельских Советов

При всей противоречивости отношения сельских жителей к местным Советам они постепенно утверждались в качестве органа власти, и в этом смысле можно утверждать, что на протяжении 1920-х гг. сельсоветы объективно способствовали разрушению института общины. Параллельно шел процесс ограничения полномочий самих Советов.

Уже в первой половине 1920-х гг. в условиях принятия ключевых решений на партийном уровне советское законодательство оказалось свернутым, и реально работали только исполкомы Советов. Серьезным шагом в направлении дальнейшего ограничения роли Советов стало принятие в апреле 1927 г. на XV партконференции ВКП (б) курса на централизацию власти и управления. Постепенно сошла на нет кампания «оживления» местных Советов. С 1928 г. начались «чистки» аппаратов местных Советов и центрального аппарата. Был принят новый закон о финансах местных Советов, который вводил остаточный принцип финансирования местных органов власти (после затрат на индустриализацию) [12, с. 23].

С началом коллективизации задачи сельсоветов также менялись. Теперь одной из основных их функций стало выстраивание работы с колхозами. В записке Уральского облисполкома (1930 г.) отмечалось:

«Основным плановым заданием районов и сельсоветов является увязка деятельности этих организаций и направление ее в сторону планового развертывания коллективизации сельского хозяйства... Работа районов исполкомов и сельских советов, в условиях реконструкции сельского хозяйства на социалистических основах главным своим назначением имеет организацию планирования сельского хозяйства; с этим планированием связано развитие индустриальных отраслей и социально-культурного сектора; последние должны быть построены применительно к задачам организации производства. Поэтому сеть районов и сельсоветов должна быть приурочена к сети и организации основных производственных агро-индустриальных ячеек; в районах

сплошной коллективизации это будут районные агро-индустриальные колхозы, с которыми должны быть связаны границы районов, а с их производственными участками должна быть связана сеть сельсоветов»¹⁰.

Таким образом, если прежде сельсоветы территориально соответствовали сельским обществам, то теперь их границы должны были корректироваться в соответствии с планами колхозного строительства. На примере этой трансформации находит подтверждение тезис, что сельсоветы рассматривались в первую очередь как орудие хозяйственной деятельности.

Результатом организационной реформы должно было стать укрепление базы низовых советов, а численность управленческого аппарата снизиться. Но теперь функции сельских и районных советов начали пересекаться с функциями колхозных администраций. Это привело к новому видению роли низового уровня территориального деления. Позже сельсоветы и районы начали встраиваться в работу МТС. Последующая механизация сельского хозяйства привела к дальнейшему укрупнению районов и сельсоветов. Если прежде сельские советы были последним прибежищем прямой демократии, то в результате серии укрупнений они лишились этого института, и в них, как и в советах более высокого уровня, формально утвердилась демократия представительная.

К началу 1930-х гг. сложилась довольно ограниченная сфера компетенции сельских советов, которая практически не менялась в течение последующих десятилетий (Табл. 1) [11, с. 149].

Таблица 1.

<i>Сельские советы в 1930–1980-е гг.: порядок формирования и полномочия</i>		
<i>Сельский совет</i>	Выборный орган, 1 депутат от 200 чел.	Утверждение бюджета, контроль исполнения бюджета, выборы председателя и исполком.
<i>Исполком</i>	Избирается из членов сельсовета	Административные, фискальные, статистический и военный учет, руководство местным хозяйственным и культурным развитием, благоустройством, формировали местный бюджет
<i>Председатель, зам. председателя</i>	Избирается из членов исполкома, согласовывается с райисполкомом и райкомом	

¹⁰ ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 535. Л. 28–28об.

<i>Секретарь</i>	Наемный технический работник	Ведение делопроизводства, бухгалтерского учета, кадрового, составление похозяйственной книги и проч.
<i>Участковый милиционер</i>	Назначается приказом районного управления милиции.	Охрана правопорядка и выполнение указаний вышестоящих органов

Поскольку бюджет сельских советов примерно наполовину формировался из бюджета районов, это ставило их в зависимость и от районных органов власти, и от местных сельскохозяйственных организаций (колхозов и совхозов). В результате, как отмечает Л. Мазур, сельсоветы имели слабые позиции в сельском социуме, находясь между различными административными и хозяйственными силами, а также сельским обществом. Однако, на этом уровне управления все же сохранялись демократические механизмы контроля снизу, что снижало степень бюрократизации этих структур [11, с. 154].

Выводы

Таким образом, в советском строительстве раннесоветского периода имели место две тенденции: 1) в борьбе с прежними организационными структурами Советы утверждались как оптимальная для большевиков форма организации власти на местах; 2) по мере встраивания местных Советов в управленческую вертикаль в них имело место неизбежное свертывание начал самоуправления. В конечном счете вторая тенденция привела к институциональному сужению сферы компетенции Советов.

В середине 1920 – начале 1930-х гг. Советы преимущественно позиционировались как органы хозяйственного управления. В связи с этим постоянно возникало дублирование функций с номинальными хозяйственными структурами.

Отсутствие реальных управленческих полномочий и финансовой самостоятельности придавало Советам статус угасающего идеологического проекта. Никуда не делся отмеченный еще в начале 1920-х гг. перекоп в сторону исполкомов при игнорировании законодательной функции Советов.

Советы плохо вписывались в логику как хозяйственного, так и административного управления, что постоянно порождало споры об их статусе. В определенном смысле Советы были полезны как средство регулирования низовой неформальной активности. Это позволяет понять их роль по отношению как к общинным институтам, так и к колхозам.

Логика административных укрупнений влекла за собой кадровую унификацию, способствовала дальнейшей деградации системы выборов в Советы и, в конечном счете, снижению роли этого института власти.

Кампании типа «оживления» и «профессионализации» имели целью поднять реальное значение Советов, проигрывавших и сельской традиции, и партийным методам администрирования.

Попытка реализовать идеальную модель народного самоуправления не удалась. В 1930-е гг. сельские Советы отчасти выполняли управленческие функции (по преимуществу фискальные и регистрационные), но были лишены властных полномочий по управлению территорией, которые, как и финансовые ресурсы, концентрировались в руках вышестоящих органов. Кроме того, Советы играли роль идеологического прикрытия диктатуры правящей партии.

-
1. Административные реформы в России: история и современность / Под ред. Р. Н. Байгузина. М. : РОССПЭН, 2006.
 2. *Безгин В. Б., Юдин А. Н.* Крестьянская община и сельсовет в 1920-е годы // Социодинамика. 2013. № 2. С. 119–160. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_403.html (дата обращения: 31.10.2018).
 3. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М. : МИК, 2000.
 4. *Горбачев О. В.* Теории конструирования социальной реальности в XX в. и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Сб. науч. трудов. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2016, с. 29–49.
 5. Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М. : Издательство политической литературы, 1968.
 6. Драма российской истории: большевики и революция / Под ред. О. В. Волобуева. М. : Новый хронограф, 2002.
 7. *Егоров К. Д.* Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 годы. М.; Л.: Плановое хозяйство, 1926.

8. *Кукушкин Ю. С.* Традиции общинной демократии в формировании и деятельности сельских Советов в 1920-е гг. // Вестник РУДН. История России. 2012. № 4. С. 71–80.
9. *Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1977. Т. 33. С. 1–120.
10. *Ленин В. И.* Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б) 8 марта / X съезд РКП (б). 8–16 марта 1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1970. С. 1–33.
11. *Мазур Л. Н.* Особенности эволюции сельской бюрократии в советской России // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 146–159.
12. *Новокрещенов А. В.* От централизации местных советов к централизации местного самоуправления // Развитие территорий. 2018. № 1 (11). С. 22–25.
13. *Павлова И. В.* Механизм политической власти в СССР в 20-30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 49–66.
14. *Пайнс Р.* Русская революция. В 2 т. М. : РОССПЭН, 1994.
15. Пленум ЦК РКП (б) 25–27/X.1924. Резолюция «Об очередных задачах работы в деревне» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1922–1925. М. : Издательство политической литературы, 1984. С. 301–303.
16. Положение о земельных комитетах. Постановление СНК. Не позднее 12 (25) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 218–224.
17. *Саламатова М. С.* Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 12–17.
18. 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов : стенографический отчет (5-9 декабря 1919 г. в Москве). М. : Гос. изд-во, 1920.
19. Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 т. 1927–1939. Т. 1. М. : РОССПЭН, 1998.
20. *Тропов И. А.* Проблемы организации и функционирования волостных органов власти в России в 1917–1918 гг. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 2. С. 38–42.
21. Урал после районирования : [Уральский областной комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов]. Свердловск, 1926.
22. *Яхшиян О. Ю.* Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х гг. Дис... канд. ист. наук. М., 1998.

23. *Brzezinski Z.* The Grand Failure: the Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. N.Y. : Collier Books, 1989.
24. *Hirsch Francine.* State and Evolution: Ethnographic Knowledge, Economic Expediency, and the Making of the USSR, 1917–1924 // Burbank J., Hagen von M., Remnev A. (Eds.). Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 2007. P. 139–168.
25. *Hirsch Francine.* Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // The Russian Review. 2000. № 59. P. 201-226.
26. *Smith S.* Writing the history of the Russian revolution after the fall of communism // Europe-Asia Studies, Vol. 46, No. 4, 1994. P. 563-578.
27. *Tagirova Nailya.* Mapping the Empire's Economic Regions from the Nineteenth to the Early Twentieth Century // Burbank J., Hagen von M., Remnev A. (Eds.). Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 2007, p. 125-138.